

Копипаста: Банник — Lurkmore

День был очень жаркий, даже для конца июня, Вадим промок до ниточки. Он вытер лицо пальцами и почувствовал, что это вовсе не пот выступил у него на лбу, возле корней гладко зачесанных назад и стянутых на затылке волос, а растопившееся сало, жир, как будто он густо намазался вазелином. Он с раздражением достал из кармана джинсов скомканный платок и вытер об него пальцы. Еще совсем недавно Вадим был болезненно толстым и неуклюжим молодым человеком, но за последние два года сильно похудел, вытянулся и стал походить скорее на вышибалу в пивном баре, чем на учителя-словесника в средней школе.

Закатив мотоцикл в дощатый сарай, он вытащил из дорожной сумки большую двухлитровую пластиковую бутылку, до половины налитую желтой, вспененной, как моча, жидкостью, отвинтил крышку и жадно присосался к широкому горлышку. Он гулко глотал, не замечая, что липкая струйка просачивается в уголке губ и стекает по щеке на шею. Напиток был теплый, почти горячий. Вадим рыгнул приторной сладостью, сплюнул густую слюну в пыль и с отвращением засунул опустевшую еще на четверть бутылку обратно в сумку. Вытерев тыльной стороной ладони рот и щеку, он снова вышел на солнцепек и, поглядев на солнце, подумал, что если так будет продолжаться, то его хватит тепловой удар. Он и без того весь плавал в собственном соку, как тот лосось в жестянке, вдоль хребта стекали короткие струйки пота, джинсы прилипли к ляжкам, а на груди и под мышками на холщовой рубахе проступили темные пятна. Время от времени по всему телу начинало свербеть, как будто его кусали клопы, а чесотка за яйцами донимала его просто нестерпимо. Мало того, что от жары они сварились, должно быть, уже вкрутую, так он еще отсидел их, гоня из города в эту проклятую деревню на мотоцикле, - прищемил мошонку, не заметив этого, пока не слез с жесткого сиденья и в нее снова не начала поступать кровь. В первое мгновение он прямо взвыл от неожиданной боли, да и теперь отдавленная складка кожи горела и зудела так, что трудно было ходить. Почти сразу вся выпитая вода проступила наружу, и ручейки под одеждой потекли обильней. Вадим с вожделием поглядел на темную приземистую баню, стоящую у самой воды большого деревенского пруда, затем с сомнением - на пылающее солнце и с еще большим сомнением - на высокую, почти в рост человека, сухую траву на соседнем участке. Настоящее стоячее сено, вспыхнет от одной шальной искры. Топить баню середь дня, в такую жару, - просто самоубийство. Можно себе вообразить банную духоту (как в кочегарке), от одной мысли тело покрывается потом... Но когда он посмотрел на наручные часы (кожа под черным ремешком покраснела и раздражилась, а сам ремешок блеснул от влаги, как будто потел не хуже своего владельца), все его сомнения разом улетучились. Была уже половина второго, Лариса с матерью приедет шестичасовым автобусом: времени у него как раз на то, чтобы согреть пару котлов и дать бане настояться. Ему повезет, если он еще успеет сполоснуться до их прихода - нет-нет, не попариться и даже не вымыться как следует, а просто сполоснуться, разбавить разъедающий кожу пот теплой водичкой, в ожидании своей законной очереди после женщин. Замешкаться ему не хотелось. Лариса опять запоет, что не понимает, как можно возиться так долго и быть таким неповоротливым, а теща, поджавши губы, ледяным голосом скажет, что ничего другого она от него просто не ожидала. Он жил с Ларисой всего два года, а ощущение у него было такое, что прошло уже лет двадцать. Они поженились сразу после выпускных экзаменов, и их отношения до и после этого поворотного в его жизни события разнились так же сильно, как беззаботная студенческая вольница и выматывающая, отупляющая работа в школе. Все еще морщась от боли в мошонке, Вадим прошел по узкой меже, разделяющей два участка, с отвращением поглядывая на чахлые, пожелтелые, со скрученными листиками, кусты картофеля. Подойдя к бане, он нашарил под разохшимся порогом ключ, отпер дверь и повесил ключ на гвоздик в дощатом предбаннике. Сруб был сложен из еловых бревен, щелястых, пересохших, серых снаружи, а внутри темно-желтых, даже оранжевых. Крошечное, низкое запыленное окошечко предбанника пропускало мало света и совсем не пропускало прямых солнечных лучей. Для начала, чтобы прочистить дымоход, Вадим подпалил в калильной печи пару осиновых полешек, выдернутых из-под дощатого навеса. Затем, когда они прогорели, набил печь березовыми чурками, а сам принялся накачивать ручным насосом в трехведерный чугунный котел (колоду, по Далю) холодную воду. Когда все было готово, слезаясь и кашляя от дыма, Вадим вывалился наружу и поспешил к сараю, где сразу добыл из сумки пластиковую бутылку и с жадностью осушил ее до самого дна, заработав мучительную икоту... За полтора часа он еще несколько раз подбрасывал дрова, поменял воду в котле и, наконец, окончательно умучившись, отправился в комнаты поваляться на диване... К половине шестого баня была протоплена и хорошенько прогрелась. Вдоль стен стояло несколько лоханей с кипятком, в одной из них, под круглой крышечкой, запаривались припасенные загодя веники: пахучий березовый, мягкий липовый, тяжелый пихтовый. В большой бадье с водой для споласкивания головы млели крапивные кусты. До приезда Ларисы с тещей оставалось не меньше сорока минут, хватит не только, чтобы сполоснуться, но и помыться. Стоя в предбаннике, Вадим снял с запястья механические часы и положил их на полочку, затем содрал с тела рубаху, стащил джинсы, обширные трусы, бросил все это на лавку и в ярком свете, падавшем через открытую дверь, критически оглядел себя сверху донизу. Кожа на груди и животе была белая и совершенно гладкая, без единого волоска, только от пупка до лобка чернела полоска жидковатых волос. На лобке волосы были гуще и жестче, пенис уныло свисал из них, как нос еврея. Вадим запустил пальцы в волосы и принялся с остервенением раздирать созревшую кожу. Это было не просто остервенение, но остервенелое блаженство. Он не сразу заметил, что пенис его стал подозрительно подергиваться, а когда заметил, было поздно: он уже не мог остановиться и принялся действовать с еще большим ожесточением. Теперь он не просто расчесывал кожу на лобке и под мошонкой, но безжалостно, не щадя уздечки, щипал и крутил крайнюю плоть, пока боль и блаженство не слились в одно неразделимое целое; и тогда он извергнул из себя одну за другой три мутновато-белых,

похожих на сопли струи, которые тяжелыми каплями упали на дощатый пол. Он мастурбировал впервые после женитьбы. Почти сразу чувство облегчения сменилось легким приступом депрессии. Это было лишь слабое подобие тех жесточайших приступов, которые случались с ним несколько лет назад почти ежедневно. Сейчас это была даже не депрессия, а так, сильное, но сносное раздражение против всех и вся без какой-либо явной на то причины. Размазав большим пальцем правой ноги белые сопли по полу, он отворил дверь в парилку - его обдало горячим воздухом - и, ухая неестественно высоким бабьим голосом, тряся ягодицами, ввергся в этот адоподобный рай, который называется русской баней.

Очутившись во влажной, со всех сторон обволакивающей (как ватное одеяло) духоте, Вадим первым долгом сдернул черную резинку с косы и помотал головой, стряхивая волосы на плечи. Неприятное ощущение, что кто-то непрерывно тянет его за волосы, пропало, кровь перестала приливать к голове так обильно, и странным образом это вызвало ощущение необыкновенной легкости в мыслях, словно бы мучившие его проблемы вдруг разрешились сами собой. Вадиму припомнился тот забавный немой фильм, в котором Чарли Чаплин, случайно усевшись на раскаленную каминную полку, решил, что у него начался любовный жар... Разбавив кипятком в тазике, он окатился горячей водой, смывая пот и грязь, и, разморившись, забрался на обжигающие доски полка. Теперь можно было полежать, отдохнуть, вздремнуть минуток пять... Он, конечно, понимал, что это не совсем здоровое занятие - дремать в жарко натопленной бане, но грешным делом не мог отказать себе в таком удовольствии. Поэтому он и предпочитал мыться после всех: жару оставалось еще достаточно, зато никто не ограничивал тебя во времени: можно валяться на полке сколько душе угодно.

Вадим повернулся на левый бок, лицом к стене, подтянул ноги к животу, упершись коленями в бревенчатую стену (его пенис вывалился сзади между сведенных ляжек и уткнулся головкой в горячую доску), и, прикрыв глаза, стал неторопливо думать о приятном. Самые приятные мысли были о статье, которую он писал для ежегодного филологического сборника, выпускаемого институтом. Статью нужно было представить на следующей неделе, а он уже почти закончил ее и потому имел все основания не торопиться - времени у него было еще достаточно. В этой небольшой по объему работе ему удалось затронуть вопросы нескольких смежных дисциплин: лингвистики, фольклористики, этнографии. Речь в ней шла о низших существах восточнославянской мифологии, а именно о многочисленных домашних духах: чухах, кикиморах, домовых, банниках. Тех самых банниках, которые приходят мыться после трех супружеских пар и которым для этого оставляют на лавке исхлестанный веник, грязный обмылок и шайку остывшей воды. А уж ежели они рассердятся, то берегись: начнут швырять с каменки раскаленные булыжники, плескать кипятком, а то и вовсе выпустят тебе кишки или живьем сдерут с кожу. Лучше сохранять с ними дружеские отношения и вовремя приносить им в жертву черную курицу. Что-то давненько я не приносил в жертву черную курицу, лет этак уже двадцать пять, - подумал Вадим, - пожалуй, банник еще на меня обидится... Но даже эта забавная мысль протекла по мозговым извилинам как-то вяло, замедленно, словно сквозь дрему... Сердце натужно бухало в груди... Кровь шумела в ушах... В голове стоял туман - горячий, плотный, отнимающий сознание...

А потом кто-то легонько прикоснулся пальцами к его свисавшему сзади пенису. Это прикосновение с трудом пробилось сквозь пелену тяжелой дремы, которая все еще обволакивала его мозг, - и пробудило в нем какие-то давние, потаенные воспоминания... Показалось Вадиму, что это Лариса притронулась к нему своими прохладными пальцами... Сон и явь путались у него в голове. Смутно помнил он, что лежит на горячем полке в жарко натопленной бане... что Лариса должна приехать с минуты на минуту, шестичасовым автобусом... Однако странным образом эта Лариса в его омраченном дремой сознании была не той Ларисой, какой она стала за последние два года, а прежней Лариской, какой она была до женитьбы... эти два года словно бы выпали из его памяти... о теще он даже и не вспомнил, будто и не знал никогда... И эта прежняя его Лариска (приехавшая шестичасовым автобусом), войдя в натопленную баню и увидав разлегшегося в откровенной наготе Вадима, не могла удержаться от искушения и, незаметно подкравшись к нему сзади, игриво прикоснулась к его пенису прохладными пальцами... Так маленькие детишки любят щекотать своим спящим товарищам пятки или нос перышком из подушки...

"Не надо, детка", - с улыбкой пробормотал Вадим, не предпринимая, впрочем, никаких попыток остановить ее руку, которая уже не просто водила по его пенису пальчиками, но крепко ухватила его в кольцо и принялась решительно двигать морщинистую кожу вверх и вниз, то надевая ее на головку, то стягивая ее в противоположную сторону до болезненного натяжения уздечки. Вадим и не хотел, чтобы она прекращала, он сладко улыбался сквозь сон, его пенис отяжелел, нервно задергался, словно пытаясь вырваться из этих приятных объятий, но те стали лишь еще крепче, пальцы с силой, почти до боли сдавили его, словно чувствуя его тайные желания и потворствуя им. Вадим не торопился кончать, он хотел продлить удовольствие, и это была не просто расчетливая похоть, но страстное, хотя и не осознанное, желание воскресить то счастливое время, когда у них с Ларисой все еще только начиналось, задержать, продлить его, вернуться к прежней Лариске, которая запросто могла вот так подойти к нему сзади и начать делать то, что она делала сейчас... И вдруг, не переставая энергично двигать рукой, она воткнула ему в задний проход палку (или прут от веника?) и принялась крутить ее, проталкивая все глубже в кишечник. Вадим вздрогнул: это было что-то новенькое и совсем не похожее на Ларису: ни на ту, какой она была прежде, ни тем более на теперешнюю; она никогда не позволяла себе ничего подобного, ей это просто в голову не могло прийти. Сначала это было только щекотно и забавно, но затем, когда конец палки, крутившейся уже где-то в животе или даже в груди, уткнулся ему едва ли не в самое сердце (то же самое, наверное, чувствует Лариса, когда я не очень осторожно влажу в нее), Вадим екнул от боли и удивленно открыл глаза. Теперь он окончательно проснулся. Перед самым его лицом, возле бревенчатой стены с торчащей паклей, задрав кверху скрюченные лапки, лежал вареный жук. "Эй, что ты делаешь, детка?" - с изумлением спросил он, тяжело отрывая голову от досок (в нее словно раскаленный

булыжник положили) и приподнимаясь на локте, чтобы посмотреть на Ларису. При этом он слегка повернулся с боку на спину, задев правым коленом за что-то жесткое, деревянное, постороннее.

Сперва он ничего не разглядел. В бане было сумрачно, перед глазами плавали цветные круги, но уж что-то, а это он ясно видел: пространство между полком и дальней стеной сруба было пусто. Может быть, Лариса, угадав, что он сейчас обернется, пригнулась и спряталась под полок, чтобы разыграть его?.. Нелепая мысль, но все же... это легко проверить... Он уже собрался заглянуть под полок, как вдруг сообразил... Господи! Только сейчас он сообразил, что кто-то по-прежнему крепко сжимает пальцами его пенис, хотя уже и не делает ими никаких возбуждающих движений, словно притаившись в ожидании, чем же все это кончится! Покрывшись испариной, Вадим попытался сесть на полке, но это ему не удалось - что-то мешало ему, что-то, забравшееся глубоко внутрь него (теперь оно колом стояло у него в груди, жесткое, прямое, затрудняющее дыхание), и единственное, что ему удалось сделать, это широко расставить колени, и, приподнявшись сзади на руках, взглянуть промеж ног на полок между его задницей и щекой печи.

На полке, прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки, сидел крошечный сморщенный старичок с косматой гривой вокруг головы. (Банник! - ахнул Вадим.) Он был совсем голый, как и Вадим, и так же, как и он, сидел, расставив узловатые коленки тонких, как палки, жилистых ног, заканчивавшихся огромными ступнями - каждая с оттопыренным большим пальцем, на котором коробился коричневый ноготь. Из-под кругленького, как лоханка, пуза с вывернутым наизнанку пупком по доскам полка распластался сморщенный стариковский член весьма приличных размеров (хорошо, что он ЭТОЙ палкой не засадил мне в задницу). Правой рукой старичок держал Вадима за его раздувшийся, как дирижабль, пенис, а левая его рука тянулась куда-то ему в промежность...

Одно мгновение они оторопело смотрели друг на друга. В голове у Вадима все еще крутился образ Ларисы, и он никак не мог отрешиться от мысли, что это именно она трогала его сзади за пенис. И он не понимал, куда она в таком случае подевалась и откуда здесь взялся этот отвратительный сморщенный старичок (или каким образом она могла превратиться в этого отвратительного сморщенного старичка - если, конечно, с самого начала это действительно была она?) ...старичка, которого, кстати, вообще в природе быть не должно. Пенис у Вадима все еще возбужденно подрагивал в пальцах банника, и ни с того ни с сего ему вдруг припомнилось первое в его жизни половое сношение с женщиной... его нелепые опасения, что со страху он все перепутает и по ошибке задействует мочеиспускательный канал - просто-напросто напишет ей во влагалище... Неожиданно, подумав об этом, Вадим, который по-прежнему сидел в неудобной позе, упиравшись сзади на вытянутые руки, начал хохотать, да так, что заколыхался весь жировой слой на его груди, а что-то постороннее, засевшее у него под самым сердцем, отозвалось болью по всему телу. Он перестал хохотать и испуганно посмотрел на старичка. Старичок хитровато поглядывал на него своими маленькими блестящими глазками, левая его рука уходила Вадиму в промежность... ГОСПОДИ! - подумал Вадим, - ЭТОТ ПРИДУРОК ЗАСУНУЛ СВОИ ПОГАНЫЕ ГРАБЛИ МНЕ В ЗАДНИЦУ И НАМАТЫВАЕТ НА НИХ МОИ КИШКИ. И тогда его мочевого пузыря действительно не выдержал, вся выпитая за день вода, которая не успела выйти потом, хлынула из него через обмякший пенис. И лишь спустив все до последней капли, Вадим заорал.

Не помня себя от ужаса, он принялся молотить ногами по чему ни попадя, а затем, не переставая орать, рванулся с полка и с грохотом обрушился на пол. Он ударился о доски коленями и подбородком одновременно, но даже не почувствовал боли. За его спиной послышался громкий, похожий на треск деревянной трещотки, сухой смех. Не тратя времени на то, чтобы подняться на ноги, Вадим проворно засеменял на четвереньках к выходу, боднул дверь головой и выбрался в предбанник. В открытую дверь предбанника заглядывало вечернее солнце. Вадим глянул под себя и увидел под странно поджатым (словно бы опустевшим) животом свои бледные ляжки, заляпанные чем-то красным, хлещущим сверху. Позади болтающегося между ляжками пениса, на полу, виделось нечто непонятное, серовато-желтое, похожее на толстую резиновую трубу, но не гладкую, а сложенную гармошкой. И ЭТО вываливалось у него из заднего прохода с таким звуком, какой бывает, когда шлепают шматок сырого мяса на сковородку. Вдруг эта падающая на пол толстыми кольцами, похожая на удава труба подскочила кверху и исчезла из его поля зрения, а позади опять послышался сухой, трескучий смех, в котором не было ничего человеческого. Обернувшись через плечо, Вадим увидел, что банник по-прежнему сидит на полке, свесив с него ножки с повернутыми внутрь ступнями, но теперь были видны обе его ладони, и на левую его руку был намотан конец этой самой трубы, которая больше не валялась грудой между коленями Вадима, а висела в воздухе, натянутая, как канат: она тянулась через всю баню, минуя раскрытую дверь, и через весь предбанник, исчезая у Вадима в заднем проходе. ГОСПОДИ! ДА ЭТО ЖЕ МОИ СОБСТВЕННЫЕ КИШКИ, - с удивлением и необыкновенным спокойствием подумал Вадим. - ЭТА СКОТИНА ВЫДРАЛА ИЗ МЕНЯ МОИ СОБСТВЕННЫЕ КИШКИ ЧЕРЕЗ ЗАДНИЙ ПРОХОД, А Я ЭТОГО ДАЖЕ НЕ ЗАМЕТИЛ. Я ДАЖЕ НЕ ПОЧУВСТВОВАЛ БОЛИ. ВПРОЧЕМ, ТАК ЭТО И БЫВАЕТ, КОГДА БОЛЬ СЛИШКОМ СИЛЬНА. И лишь додумав эту мысль до конца, Вадим почувствовал тошноту. Но выргнуть непереваренные остатки пищи он уже не успел, потому что в следующее мгновение его желудок, раздирая узкую дырку заднего прохода, вылетел из него вслед за кишками - Вадим судорожно схватил воздух ртом... глаза его вылезли из орбит... закатились под верхние веки... и, заливая дощатый пол предбанниками потоками хлынувшей из него крови, Вадим с хрипом повалился на бок - и больше уже не шевелился. На его лице застыла странная гримаса, похожая на веселую, даже радостную улыбку: широко раскрытые глаза и рот, обнаживший два ряда зубов, - только неподвижную, застывшую, как на фотографии. Банник исчез. Механические часы, как ни в чем не бывало щелкавшие на угловой полочке в предбаннике, показывали начало седьмого.

Через четверть часа во дворе раздаются два женских голоса:

- Ну, и где же твой благоверный? Похоже, он и не думал топить баню.
- Откуда я знаю, мам, чего ты меня спрашиваешь?
- ТЫ вышла за него замуж, девочка, не я.
- Ой, мам, перестань. Давит, наверно, диван в доме. Жарко, сил нет.
- А ты уверена, что он вообще сюда приехал? Вот будет здорово. Хотя от этого разгильдяя всего можно ожидать.

Лариса, красивая сильная молодая женщина, ничего на это не отвечает. Она на ходу стягивает с себя легкое ситцевое платье, оставшись в белых домашних трусиках и короткой маечке, вовсе не предназначенных для чужих глаз (но ведь кто здесь может увидеть? - сплошные пустыри вокруг, захирела деревенька), и направляется в дом. Но, еще не зайдя в крыльцо, она замечает поставленный в сарае мотоцикл. - Да нет, он здесь, ма, - говорит она громко. - В бане, наверно, возится. Пойду гляну.

Бросив платье на лавочку в крыльце, она (как несколькими часами раньше Вадим) минует картофельное поле и подходит к бане. Еще издали она замечает неладное. Дверь в предбаннике широко раскрыта, и на полу лежит что-то огромное и белое... Она никак не может понять, что это такое. Точнее, она отказывается понимать, что это такое. Отказывается видеть в этом... Ее зрачки неестественно расширяются от ужаса... она непроизвольно зажимает рот кулаком... и все равно из ее глотки вырывается хриплый воющий нечеловеческий крик, а белая материя слегка отвисших на красивой попке трусиков темнеет и по внутренней стороне правой ноги, куда с вождением заглядывал не один мужчина, сбегает тоненькая желтая струйка мочи.

Читать ещё

- [Вьетнамская война](#)